

Кристофер Р. Браунинг

ПО ПОВОДУ МОЕЙ КНИГИ

«ИСТОКИ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ»»:

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ «ОКОНЧАТЕЛЬНОМ РЕШЕНИИ»,

ЕГО ПРЕДПОСЫЛКАХ И ВАЖНЕЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

В 1981 году – двадцать четыре года назад – редколлегия много-томной «Полной истории Холокоста», которая готовилась тогда к изданию в институте «Яд Вашем», впервые обратилась ко мне с предложением написать том о нацистской политике в отношении евреев. В то время я был совсем молодым ученым с относительно скромным списком публикаций и преподавал в малоизвестном колледже на северо-западном тихоокеанском побережье США, который принадлежал одной из ветвей американской лютеранской церкви. Мне казалось удивительным, что редколлегия нашла меня и пригласила к сотрудничеству. Да и не только мне, – возвращаясь со своего первого интервью по поводу участия в проекте, я встретился и разговорился с израильским ученым; когда я упомянул, зачем ездил в Израиль, он спросил меня с типично израильской прямоотой: «А почему именно Вы?» Так что я весьма благодарен редколлегии «Яд Вашем» за то, что она пошла на серьезный риск и привлекла меня к работе над этим грандиозным проектом.

С течением лет задача моя сузилась: от намерения осветить весь период войны я перешел к более реалистичной цели – исследовать истоки «окончательного решения еврейского вопроса». К счастью, рукопись, посвященная этому периоду, не была еще закончена в 1989–1990 годах, когда падение коммунизма в Восточной Европе открыло новые архивные источники и положило начало новой волне исследований; заверши я свою работу раньше, она устарела бы мгновенно и непоправимо. Следующим подарком судьбы стала помощь моего доброго друга и коллеги Юргена Маттойса, написавшего важнейшую главу книги. Короче говоря, я полностью сознаю, что книга, которая сейчас вышла в переводе на иврит, в немалой степени обязана своим появлением на свет стечению невероятных и счастливых обстоятельств.

Центральные темы моего исследования

Эта книга посвящена четырем основным вопросам.

1) В свете различных исторических контекстов, в рамках которых я мог бы провести свое исследование генезиса «окончательного решения», я обращусь к избранной мною ранее концепции нацистской политики народонаселения (или демографической политики) и к общему представлению об империи, основанной на расовом переустройстве Восточной Европы.

2) В свете дискуссии о соотношении ролей центра и периферии я рассмотрю нацистскую политику геттоизации в оккупированной Польше.

3) В свете дискуссии, связанной с принятием решения о тотальном уничтожении евреев и с ролью Гитлера в принятии этого решения, я рассмотрю ключевой поворотный момент (сентябрь – октябрь 1941 года), а также специфику участия Гитлера в принятии решений.

4) Я вновь поставлю вопрос, почему нацистский режим мог рассчитывать не только на непротивление программе геноцида, но и на полное вовлечение столь многих «обыкновенных немцев» в убийство евреев Европы, как только было принято решение об уничтожении.

Нацистская демографическая политика

В предвоенные годы политика нацистов по отношению к евреям преследовала цель сделать Третий рейх «свободным от евреев» путем усиливающихся репрессивных мер, которые убедили бы немецких евреев, что в Германии они лишены будущего, и заставили бы их покинуть страну. В 1942–1945 годах нацистский режим увяз в титанической военной борьбе за выживание. Видя, как становятся несбыточными мечты о «жизненном пространстве» на востоке, равно как и перспективы военной победы, режим тем не менее старался осуществить «окончательное решение», то есть убить всех до единого евреев, оказавшихся в зоне досягаемости, – мужчин, женщин и детей. В промежуточный период, в 1939–1941 годах, связь между военной победой, территориальными захватами, целями войны и политикой по отношению к евреям была сложной и изменчивой. В результате военных

побед под контролем Германии оказывались все новые территории – и все больше и больше евреев. Однако среди многочисленных целей, которых нацисты надеялись достичь в ходе войны, господствовало создание немецкого «жизненного пространства» на востоке, что означало подлинную демографическую революцию – изменение структуры народонаселения Восточной Европы в соответствии с нацистскими расовыми принципами.

После сентября 1939 года Польша стала лабораторией нацистских экспериментов в области демографического переустройства и расового империализма. Важной составной частью этих экспериментов была этническая чистка территорий Западной Польши, включенных в Третий рейх («чистка» подразумевала выселение поляков и евреев), и их заселение этническими немцами. «Вычищение» евреев с аннексированных земель должно было стать прелюдией к их изгнанию с остальных территорий Третьего рейха, а затем и из всей контролируемой Германией Европы – по одному плану в Люблинскую резервацию, по другому – на Мадагаскар, а по третьему – в «арктические пустыни» Сибири.

Однако насколько эти три программы выселения евреев, сменявшие одна другую, выражали истинные намерения Гитлера и нацистов? Мой ответ: целиком и полностью! Совершенно ясно также, что нацисты под эвфемизмом «переселение» подразумевали изгнание, сопровождавшееся огромными – и предусмотренными – жертвами. Как заявил один нацистский инспектор, осматривавший территорию предполагаемой Люблинской резервации: «Эта территория с ее крайне болотистой природой может... служить еврейской резервацией» и «привести к значительному сокращению еврейского населения»¹. Три упомянутые схемы выселения евреев не были претворены в жизнь только потому, что они шли вразрез с другими нацистскими программами и не вписывались в военно-экономический контекст. Тем не менее каждый следующий провал не только усиливал разочарование и озлобление «демографических инженеров», но и приближал их к мысли, что, в конце концов, проще убить евреев, чем выселять их, способствовал привыканию к идее массового уничтожения и укреплял всеобщую решимость приступить к геноциду.

¹ *International Military Tribunal* (далее – *ИМТ*), vol. 30, p. 95 (PS-2278).

Я согласен с мнением Гёца Али: нацистская концепция народонаселения сыграла основную роль в эволюции нацистской политики по отношению к евреям в сторону «окончательного решения»; однако мы с ним расходимся в одном важном вопросе. Он склонен рассматривать «окончательное решение» как побочный продукт политики народонаселения; он не считает выселение евреев самостоятельной задачей, но полагает, что перемещение других групп населения – этнических немцев, поляков – могло быть осуществлено только после выселения евреев, когда для этих групп освободилось бы место² (так же как раньше он доказывал, что уничтожение евреев не было для нацистов самостоятельной целью, а проводилось потому, что еврейская монополия на городские кустарные ремесла препятствовала проектам модернизации, требовавшим уменьшения перенаселенности села и повышения эффективности производства)³. Удаление евреев представляется мне не побочным продуктом решения более приоритетных задач, но сердцевинной нацистской идеологии и мечты о расово перестроенном «жизненном пространстве» на востоке. Через мою книгу красной нитью проходит рассказ о том, как те или иные составные части этого глобального проекта расовой инженерии, намеченные в наиболее экстравагантной форме генеральным планом «Ост», откладывались, по практическим соображениям, на будущее, тогда как нацистская политика в отношении евреев, принявшая форму «окончательного решения», быстро вышла за отведенные ей рамки, обрела самостоятельность и приоритет, которых прежде не имела, и в марте 1942 года оказалась готова к осуществлению.

Геттоизация: центр или периферия?

Авторы умножившихся в последнее время региональных и локальных исследований Холокоста в разных частях Восточной

---

² Götz Aly, *“Final Solution”: Nazi Population Policy and the Murder of European Jews* (London: Arnold, 1999); см. также *“Jewish Resettlement”: Reflection on the Political Prehistory of the Holocaust* // Ulrich Herbert (ed.), *National Socialist Extermination Policies: Contemporary German Perspective and Controversies* (New York: Berghahn Books, 2000), pp. 53–82.

³ Götz Aly, Susanne Heim, *Architects of Annihilation: Auschwitz and the Logic of Destruction* (London: Weidenfeld and Nicolson, 2002); см. также Götz Aly, Susanne Heim, *“The Economics of the Final Solution: A Case Study from the General Government”* // *Simon Wiesenthal Center Annual*, № 5 (1988), pp. 3–48.

Европы свели свои разыскания к вопросу о центре и периферии. Естественным образом они подчеркивали ту важнейшую роль, доселе неизвестную и впервые раскрытую в их трудах, которую инициативы и решения местной администрации играли в развязывании кампаний массового убийства. В результате в этих исследованиях центр представлен относительно пассивным или ограничивающимся поддержкой инициативы на местах, а оккупационные власти на периферии оказываются движущей и радикализующей силой, стоявшей за массовым убийством. Не отрицая важной роли, которую местные инициативы играли в принятии решений, я хотел бы подчеркнуть необходимость уравновешенного подхода. Не всегда местные власти подталкивали центр ко все более и более радикальным мерам. Нередко они избирали относительно умеренный вариант политики – и высшее руководство отвергало его. И хотя многие чиновники и командиры среднего и нижнего звена горели желанием «работать для фюрера» и полагали массовое убийство вполне приемлемым решением изобретенной нацистами «еврейской проблемы», они не чувствовали себя вправе сделать решающий шаг, не имея гарантий или твердой уверенности, что Гитлер поддерживает эту идею. Не следует преуменьшать роль Гитлера как инстанции, дававшей одобрение и принимавшей ключевые решения, обязательные для оккупационных властей – как умеренных, так и настроенных весьма радикально.

Здесь стоит сопоставить геттоизацию и начало «окончательного решения». В начале августа 1941 года командир эйнзацгруппы «А» Франц Вальтер Шталекер решительно отверг предложение рейхскомиссара Лозе следовать в еврейской политике «Остланда» польской модели геттоизации. Чтобы понять смысл этого отказа, важно иметь в виду, что, хотя евреи, оказавшиеся в гетто, а впоследствии и многие историки рассматривали польские гетто как первый шаг на пути к уничтожению, нацистские радикалы того времени считали геттоизацию нежелательной альтернативой массовому уничтожению евреев, а вовсе не подготовкой к нему. Чтобы понять сложившуюся ситуацию, рассмотрим положение в Польше 1939–1940 годов. Политика, провозглашенная тогда Рейнгардом Гейдрихом, объявляла концентрацию евреев в городах ближайшей целью (*Nahziel*), за которой последует конечная цель (*Endziel*) – выселение в еврейскую резервацию. Когда же на-

цистские планы «переселения» один за другим провалились, вопрос о судьбе образовавшихся скоплений евреев был оставлен на усмотрение местных властей. Местные власти – в разное время, в разных местах, руководствуясь разными мотивами и в различных формах – создали временные гетто. В Лодзи и особенно в Варшаве создание закрытых гетто перерезало все экономические связи между еврейскими узниками и окружающим населением; огромная смертность в гетто, вызванная голодом и эпидемиями, заставила местные власти задуматься о перемене стратегии.

Некоторые немецкие чиновники местного уровня выступали за политику целенаправленного истощения гетто, то есть за создание там условий, способствующих скорейшему вымиранию обитателей. Например, в Лодзи заместитель начальника гетто Александер Пальфингер считал, что «быстрое вымирание евреев не волнует нас, чтобы не сказать – желательно нам...» (*Völlig gleichgültig, um nicht zu sagen wünschenswert, ist uns das rasche Absterben der Juden...*), и поэтому в гетто следует целенаправленно создавать «примитивнейшие условия» (*die primitivsten Voraussetzungen*)⁴. В Варшаве начальник Варшавского дистрикта с явным удовлетворением отмечал, что «евреи исчезнут от голода и нужды, и от еврейского вопроса не останется ничего, кроме кладбища»⁵. Некоторые чиновники, напротив, выступали за «продуктивизацию» гетто, при которой производительный труд евреев использовался бы для создания в гетто самодостаточной экономики и гетто обеспечивало себя само, ничего не стоя Рейху. В Лодзи Ганс Бибов старался доказать, что должны быть приложены все усилия, «чтобы облегчить самообеспечение евреев через подыскивание им работы»⁶ (*durch Arbeitsbeschaffung die Selbsterhaltung der Juden zu fördern*). А в Генерал-губернаторстве главный хозяйственник в аппарате Ганса Франка подчеркивал, что «исходной точкой всех экономических мероприятий, касающихся гетто, должна быть

⁴ «Критический доклад» Пальфингера, 7.11.1940: архив Яд Вашем (далее – АЯВ). О-53/78/76-82.

⁵ См. статью Филипа Фридмана "The Jewish Ghettos in the Nazi Era" в его книге Philip Friedman, *Roads to Extinction: Essays on the Holocaust* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1980), p. 89.

⁶ Żydowski Instytut Historyczny w Polsce (ed.), *Dokumenty i materiały do dziejów okupacji niemieckiej w Polsce*, vol. 3: *Getto Łódzkie* (Łódź: Centralna Żydowska Komisja Historyczna w Polsce, 1946), pp. 102–104 (совещание 18.10.1940).

идея поддержания жизнеспособности евреев»⁷ (*Ausgangspunkt für alle Maßnahmen auf wirtschaftlichen Gebiet gegenüber den Ghetto sei der Gedanke gewesen, die Lebensfähigkeit der Juden zu erhalten*).

Чтобы понять, как разрешился этот конфликт, обратим внимание на три момента. Во-первых, конфликт был улажен местными силами, без вмешательства Берлина, где центральные власти по-прежнему планировали решение еврейского вопроса в виде той или иной схемы выселения, без поправок на реальную ситуацию на местах. Во-вторых, «продукционисты» были сильнее сторонников «истощения». Хотя большинство немецких чиновников на оккупированных территориях, разумеется, мыслили себя пионерами «расового империализма» в Восточной Европе, они еще не осознавали, что «работа для фюрера» обернется совершением геноцида. Скорее они считали своей задачей свести к минимуму бремя содержания еврейского гетто в преддверии выселения евреев. Однако решение «продукционисты» предлагали рискованное, ибо управители гетто не могли добиваться перераспределения продовольствия и сырья в пользу евреев за счет кого-то другого. Они могли работать только на остаточных ресурсах, не затребованных никем другим. После того как «продукционисты» взяли верх над сторонниками «истощения», смертность в гетто стабилизировалась и даже несколько уменьшилась, однако угроза голода висела над гетто всегда. В-третьих, даже сторонники рационального использования еврейского труда и создания самообеспечивающихся гетто рассматривали гетто как временное зло, неизбежное, однако, до момента полного уничтожения евреев. Когда центр перешел к политике ликвидации гетто, бывшие «продукционисты», освобожденные от своего «бремени», с готовностью приняли участие в уничтожении того, что когда-то создавали.

Как мне видится, геттоизация в Польше не была рассчитанным подготовительным шагом в начертанном заранее генеральном плане «окончательного решения». Незаметен в ней и механизм «кумулятивной радикализации»⁸, идущей с периферии и принуждающей центр к дальнейшим и более энергичным действи-

⁷ Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer (Hg.), *Hans Frank. Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945* (Stuttgart, 1975), S. 343–346 (сочинение 3.4.1941).

⁸ «Кумулятивная радикализация» – процесс радикализации политики, возникающий,

ям. И наконец, геттоизация не подвигла местных технократов приступить к «окончательному решению» как к этапу экономической модернизации. Резкий переход к систематическому массовому убийству произошел не в Польше, а на советской территории, где польская модель была решительно отброшена и где, по словам Шталекера, был избран «радикальный подход к еврейскому вопросу, ныне впервые ставший возможным на востоке» (*die im Ostraum erstmalig mögliche radikale Behandlung der Judenfrage*)⁹.

Сентябрь – октябрь 1941 года: решение о геноциде евреев и роль Гитлера в принятии этого решения

Большинство ученых сегодня согласны в том, что операция «Барбаросса» и война на уничтожение (*Vernichtungskrieg*) против СССР проложили дорогу для реализации «окончательного решения» на советской территории. В конце июля 1941 года нацистские расстрельные команды начали переходить от селективных расстрелов евреев – взрослых мужчин к массовым убийствам еврейских женщин, детей и стариков. Вскоре целые города и районы были объявлены «свободными от евреев». Однако мнения историков о том, как и когда было решено перейти ко второй фазе «окончательного решения», касавшейся евреев Европы, расходятся. Так, недавно Кристиан Герлах утверждал, что именно в декабре 1941 года, после провала «молниеносной войны» на востоке и вступления США в войну, Гитлер объявил о своем «главном решении» (*Grundentscheidung*) – распространить убийство евреев на Центральную и Западную Европу¹⁰. Петер Лонгерих утверждает, что нацистская политика уничтожения (*Vernichtungspolitik*) в различных формах претворялась в жизнь с сентября 1941 года, но к последней стадии «окончательного ре-

---

когда чиновники различных ведомств из карьерных соображений стараются превзойти друг друга, предлагая все более и более радикальные меры. Применительно к нацистской Германии термин был предложен Гансом Моммзеном в начале 80-х годов. – Прим. ред.

⁹ Wolfgang Benz, Konrad Kwiet, Jürgen Matthäus (Hg.), *Einsatz im 'Reichskommissariat Ostland.' Dokumente zur Völkermord im Baltikum und in Weissrussland* (Berlin: Metropol, 1998), S. 41–46 (докладная Шталекера, 6.8.1941).

¹⁰ Christian Gerlach, "The Wannsee Conference, the Fate of the German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All Jews" // *Journal of Modern History*, № 70 (1998), pp. 759–812.

шения» в его крайней форме приступили только в конце весны 1942 года¹¹. В своей книге я доказываю, что Гитлер и нацистский режим, пытаясь решить навязанную самим себе проблему – «еврейский вопрос», перешли Рубикон в сентябре – октябре 1941 года: именно тогда план выселения сменился планом тотального и систематического уничтожения. Этот решающий поворот произошел не в контексте озлобления, вызванного провалом операции «Барбаросса» и вступлением Америки в войну, но на фоне победной эйфории, последовавшей за взятием Киева и успешным окончанием операции двойного окружения под Вязьмой и Брянском, и недолго прожившей уверенности в скорой победе на Восточном фронте.

В конце июля 1941 года Геринг уполномочил Гейдриха составить план «окончательного решения еврейского вопроса» на всей территории Европы, оказавшейся под немецким контролем; я вижу здесь поручение выяснить возможность проведения операции, а не приказ приступить к убийству европейских евреев. Однако месяц спустя, в августе, когда немецкая военная кампания на востоке забуксовала, Гитлер последовательно отверг предложения Гейдриха и Геббельса начать депортации евреев Рейха на восток. Гитлер возражал против проведения таких депортаций во время войны, но пообещал, что разрешит их «немедленно по окончании восточной кампании» (*unmittelbar nach der Beendigung des Ostfeldzuges*)¹². Эсэсовские проектировщики, естественно, были разочарованы и растеряны. Рассмотрим дело Рольфа-Хейнца Хёппнера. Получив поручение провести этнические чистки в Вартегау¹³, в середине июля 1941 года он предложил Эйхману воспользоваться каким-либо «быстродействующим средством» (*durch ein schnellwirkendes Mittel*), чтобы убить неработающих евреев Лодзинского гетто. В начале сентября 1941 года он пожаловался Эйхману, что

¹¹ Peter Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistische Judenverfolgung* (München: Piper, 1998).

¹² Elke Fröhlich (Hg.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* (München: Saur, 1987), Teil II, Bd. 1, S. 265–266 (запись от 19.8.1941).

¹³ Часть территории Западной Польши (область реки Варты), аннексированная Германией и включенная в Рейх. Рольф-Хейнц Хёппнер – сотрудник СД, в тот момент начальник «Переселенческого бюро» в Вартегау; именно он отвечал за «чистку» этой области от поляков и евреев и заселение освободившихся территорий немцами. – Прим. ред.

не может составить детальный план депортации, пока «основополагающие решения» (*die grundlegenden Entscheidungen*) не приняты и он не знает «замыслов фюрера» (*die Absichten des Führers*). «В этом вопросе важно, – продолжал он – установить с самого начала полную ясность: что будет с нежелательными этническими элементами после их депортации с территории, подлежащей заселению немцами; состоит ли цель в том, чтобы на длительный срок обеспечить им определенный уровень жизни, или они должны быть полностью уничтожены» (*Wesentlich ist dabei im übrigen, daß von Anfang an völlige Klarheit darüber herrscht, was nun mit diesen ausgesiedelten, für die großdeutsche Siedlungsräume unerwünschten Volksteilen endgültig geschehen soll, ob das Ziel darin besteht, ihnen ein gewisses Leben für dauernd zu sichern, oder ob sie völlig ausgemerzt werden sollen*)¹⁴. Ключевой вопрос я вижу не в том, когда нацистский режим начал осуществление «окончательного решения», а в том, когда Гиммлер, Гейдрих и их ближайшие помощники осознали с «полной ясностью», что фюрер видит цель нацистской политики по отношению к евреям в полном уничтожении.

В середине сентября 1939 года, когда пассивность французов на линии Мажино и соблюдение СССР пакта о ненападении принесли Германии легкую победу над Польшей, Гитлер одобрил предложения Гиммлера о широкомасштабной этнической чистке вновь завоеванных территорий и об их демографическом переустройстве. В конце мая – начале июня 1940 года, после того как немецкие войска достигли Ла-Манша и отрезали от него наиболее боеспособные части французской и британской армий, обеспечив этим быструю победу на западе, Гитлер одобрил повторные предложения Гиммлера касательно судьбы Польши, а также предложение МИДа о выселении евреев на Мадагаскар. В середине июля 1941 года, окрыленный первыми успехами операции «Барбаросса», Гитлер объявил вновь занятые территории «райским садом» (*Garten Eden*), откуда Германия не уйдет, и потребовал интенсификации казней¹⁵; вскоре после этого призыва-пророчества жертвами систематических убийств стали еврейские женщины,

¹⁴ Höppner Aktenvermerk, 2.9.1941: U.S. Holocaust Memorial Museum Archives, RG 15.007m, 8/103/45-62.

¹⁵ *IMT*, vol. 38, pp. 86–94 (221-L: совещание 16.7.1941).

дети и старики. Короче говоря, мы видим заметную корреляцию между немецкими победами и радикализацией нацистской расовой политики. Эта зависимость, как я показываю, сохранялась и осенью 1941 года – и определила судьбу европейских евреев.

После августовской паузы в военных действиях немецкие войска 8 сентября сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, 16 сентября закончили окружение советских сил на южном участке фронта, а 19 сентября взяли Киев. 2 октября немецкие войска возобновили наступление на Москву на центральном участке фронта и 7 октября завершили двойное окружение Вязьмы и Брянска, подавив всякое сопротивление в этих двух котлах (соответственно 15 и 18 октября). Как эту цепочку новых побед воспринимал Гитлер? Привела ли очередная эйфория к очередному витку нацистской расовой политики? 24 сентября Гитлер заверил Геббельса, что «заклятие снято. В ближайшие три-четыре недели мы снова должны ожидать великих побед» (*Der Bann ist gebrochen. Wir haben in den nächsten drei bis vier Wochen wiederum große neue Siege zu erwarten*)¹⁶. Он предсказывал, что к 15 октября Москва будет окружена и серьезные боевые действия окончены. Когда Гитлер вернулся в Берлин (собираясь 4 октября выступить с речью), Геббельс снова отметил, что Гитлер «находится в настроении бьющего через край оптимизма» (*befindet sich in einer übersprudelnd optimistischen Laune*), и предсказывает разгром советской армии за четырнадцать дней¹⁷. Согласно другим записям в дневнике Геббельса, в начале ноября Гитлер все еще оптимистично оценивал ситуацию на фронте.

В развитии нацистской политики по отношению к евреям можно уверенно выделить четыре ключевые даты. 18 сентября Гиммлер дал знать о полном отходе от прежней политики Гитлера – не допускать депортаций во время войны. Теперь Гитлер желает (*wünscht*), чтобы Рейх как можно скорее (*bald möglichst*) был «очищен и освобожден от евреев» (*von Juden geleert und befreit werden*). «Как первый шаг» (*als erste Stufe*) предписывалась депортация евреев Рейха в Лодзь, а оттуда – «следующей весной

¹⁶ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 1, S. 480–482* (запись от 24.9.1941).

¹⁷ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 2, S. 49–50* (запись от 4.10.1941).

еще дальше на восток» (*im nächsten Frühjahr noch weiter nach dem Osten*)¹⁸. 15 октября первый «юдентранспорт» отошел в Лодзь. 18 октября Гиммлер и Гейдрих резко изменили еще один пункт своей политики – запретили еврейскую эмиграцию. Наконец, 1 ноября началось сооружение лагеря смерти в Белжеце.

Некоторые историки утверждают, что отказ от еврейской эмиграции не означал отказа от выселения евреев как конечной цели нацистской политики; что решение начать депортации евреев Рейха на восток еще не было решением убить их; что сооружение лагерей смерти в Белжеце и (практически одновременно) в Хелмно инициировали местные власти, прежде всего чтобы сократить неработающее еврейское население Люблинского дистрикта и Вартегау. Я, напротив, полагаю, что совпадение этих событий во времени говорит о решающем повороте в нацистской политике по отношению к евреям – о переходе от плана выселения евреев к плану их систематического тотального уничтожения. Я не могу сейчас, конечно, привести исчерпывающий набор исторических свидетельств в поддержку своего заключения, но я могу кратко наметить свою аргументацию. Я утверждаю, что в конце сентября Эйхман узнал от Гейдриха о желании Гитлера уничтожить евреев Европы и что он инспектировал приготовления Кристиана Вирта к опытам по использованию угарного газа, содержащегося в выхлопных газах. Первые опыты проводились в польских деревнях, в крестьянских домах, из которых были выселены владельцы, и предшествовали созданию лагеря смерти в Белжеце¹⁹. Я доказываю, что всего за двенадцать дней – с 13 по 25 октября – были разработаны планы строительства лагерей с газовыми камерами не только в Белжеце, но и в Хелмно, Риге, Могилеве, Биркенау и, возможно, в Собиборе, и более того – за исключением, может быть, только Биркенау, Берлин именно принимал решения (а не просто реагировал на местные инициативы). Я доказываю, что решение прекратить эмиграцию прямо вытекало из ответа Гейдриха на предложения, сделанные дипломатами Франко, – поселить

¹⁸ Гиммлер – Грейзеру, 18.9.1941: National Archives and Records Administration, College Park, MD, microfilm T175/54/2568695.

¹⁹ Для более подробного изучения свидетельств и показаний Эйхмана о его поездке в Люблин с целью инспектирования приготовлений Вирта см. Christopher R. Browning, *Collected Memories: Holocaust History and Postwar Testimony* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2003), pp. 3–36.

испанских евреев, проживавших во Франции, в Марокко, чтобы ни один еврей не мог избежать «всеохватывающих послевоенных мер по принципиальному решению еврейского вопроса» (*den nach Kriegsende zu ergreifenden Maßnahmen zur grundsätzlichen Lösung der Judenfrage*)²⁰. Я доказываю, что к концу октября – как свидетельствует документ, касающийся судьбы еврейских женщин, детей и стариков в Белграде, – даже низшего ранга «эксперты по евреям» знали о намерениях режима отправить евреев Европы в «лагеря задержания на востоке» (*Auffanglager im Osten*), «как только представится техническая возможность в рамках общего решения еврейского вопроса» (*Sobald dann im Rahme der Gesamtlösung der Judenfrage die technische Möglichkeit besteht*)²¹. Наконец, я доказываю, что к концу октября многие из чиновников нижнего звена в Берлине знали, что «в ближайшее время часть еврейских паразитов будет уничтожена специальными мерами» (*In nächster Zeit wird von dem jüdischen Ungeziefer durch besondere Maßnahmen manches vernichtet werden*). Здесь я цитирую малоизвестное письмо; автор письма сообщает о беседе со старым членом партии, который занимался еврейским вопросом на востоке. Характерно, что письмо датировано 23 октября, тем самым днем, когда Эйхман собрал на совещание в Берлине своих экспертов по депортации²². В ближайшие месяцы оставалось принять важные решения – как, когда, где, в каком темпе и с какими временными исключениями будет совершаться убийство европейских евреев. Однако на фундаментальный вопрос о конечной судьбе евреев, заданный Хёппнером, – «состоит ли цель в том, чтобы на длительный срок обеспечить им определенный уровень жизни, или они должны быть полностью уничтожены», – ответ был получен.

Некоторые историки доказывают, что решение такого рода не могло быть принято, потому что из сорока трех еврейских транспортов, отправленных из Рейха до конца 1941 года, только шесть были уничтожены по прибытии; с их точки зрения, несхожесть судеб разных транспортов указывает на отсутствие единой поли-

²⁰ Докладные записки Лютера от 13.10 и 17.10.1941: Political Archives of the German Foreign Office (далее – PA), Pol. Abt. III 246.

²¹ *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*, Serie D, Bd. 13, Teil 2, S. 570–572 (доклад Радемахера, 25.10.1941).

²² Бурм – Радемахеру, 23.10.1941: PA, Inland II AB 59/3.

тики, основанной на каком-то едином решении. По моему мнению, такое рассуждение упускает главное. Из документов осени 1941 года следует, что «технической возможности» общего решения пока нет, что эти депортированные евреи будут отправлены «следующей весной» еще дальше на восток, а «особые меры» будут приняты «в близком будущем» или «по окончании войны». До декабря 1941 года подобные упоминания сроков операции подразумевали конкретный график действий. После советского контрнаступления под Москвой, нападения Японии на Пёрл-Харбор и объявления Германией войны Соединенным Штатам вопрос встал заново; «следующая весна» и «близкое будущее» могли теперь и не совпасть с «окончанием войны». Вопреки утверждениям Кристиана Герлаха, смысл речи, произнесенной Гитлером 12 декабря перед вождями партии, видится мне не в намерении сообщить соратникам о принципиальной готовности взяться за «окончательное решение еврейского вопроса», а в желании продемонстрировать им решимость воплотить этот план в жизнь. «Окончательное решение» больше не откладывалось на неопределенный срок, до окончания войны; к нему следовало приступить следующей весной.

Мои рассуждения о ключевых решениях сентября – октября 1941 года и о роли Гитлера в принятии этих решений – часть более широкой системы аргументации, показывающей, что Гитлер определял нацистскую политику в отношении евреев в значительно большей степени, чем утверждают Иан Кершоу и Петер Лонгерих в своих недавних работах. Как представляется мне, во внутренних делах Гитлер был похож на помещика, живущего вне своего имени и желающего, чтобы «управляющие» поменьше его беспокоили. Во внешней политике и в военных делах он часто вел себя как руководитель нижнего эшелона и мог неожиданно вмешиваться во всякие мелочи. В расовой же политике он придерживался особого стиля руководства и действовал иначе. Чтобы сообщить о своих желаниях, Гитлер подавал сигналы – делал неясные заявления и предсказания, обращался с невнятными призывами. Остальные, особенно Гиммлер, с необычайным рвением ловили эти сигналы на лету – и приносили Гитлеру на утверждение готовые директивы. Классическим примером служит докладная записка Гиммлера, поданная в мае 1940 года и посвященная обращению с немемецким населением на востоке. Гитлер не только нашел ее «очень хорошей и правильной», но и

разрешил Гиммлеру показывать ее другим нацистским вождям и ссылаться при этом на его, Гитлера, одобрение²³. Такова бывала часто природа решений, принимаемых Гитлером, и «приказов фюрера» (*Führerbefehl*), хотя иногда приказ бывал и куда более прямым (например, когда он одобрял предписание немецким евреям носить желтую звезду или депортацию евреев из Рейха).

Совершенно очевидно, что в этот период между Гитлером и Гиммлером установились тесное сотрудничество и взаимная симпатия. Я доказываю, что действия Гиммлера позволяют понять ход мыслей Гитлера. В 1939–1940 годах Гиммлер проталкивал грандиозные схемы этнических чисток, призванные перекроить демографическую карту нового «жизненного пространства» Германии и содержавшие все более радикальные и разрушительные планы выселения евреев. Перед началом операции «Барбаросса» он очертил принципы войны на уничтожение против Советского Союза, обрекавшей миллионы людей на смерть от голода, казней и выселения. В июле и августе 1941 года он проинспектировал и усилил свои расстрельные команды, а также потребовал ускорить и ужесточить казни советских евреев, особенно женщин и детей. Осенью 1941 года он начал депортацию евреев Рейха и положил конец немецкой политике принудительной эмиграции евреев, более того, он запретил евреям покидать территории под германским контролем. Он также провел совещания с людьми, сыгравшими ключевую роль в «окончательном решении»: 13 октября – с Одило Глобчником, который вскоре после этого начал сооружение лагеря смерти в Белжеце; в конце октября – с немецкими чиновниками в Могилеве, которых он известил о намерении создать там лагерь с газовыми камерами и крематориями, чтобы облегчить уничтожение евреев²⁴; в начале ноября – с Фридрихом Еккельном, посланным ликвидировать Рижское гетто; 15 ноября – с Альфредом Розенбергом, который сразу же заявил, что еврейский вопрос «может быть решен только путем биологического искоренения всего еврейства Европы»²⁵. Я не думаю, что Гим-

²³ Helmut Krausnick, "Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten" // *Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte*, Bd. 5, № 2 (1957), S. 194–198.

²⁴ Christian Gerlach, "Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia" // *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 7, № 1 (1997), pp. 60–78.

²⁵ Peter Witte et al. (Hg.), *Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42* (Hamburg: Christians, 1999), p. 262; речь Розенберга от 18.11.1941: PA, Pol. XIII, VAA Berichte.

млер мог провести хоть одно из этих совещаний, не будучи убежден, что воплощает в жизнь одобренную Гитлером политику.

Необходимое участие «обыкновенных немцев»

И наконец, главный вопрос: как мог режим быть уверен в том, что «обыкновенные немцы» приложат все усилия для осуществления массового убийства евреев Европы? Между нацистским успехом на выборах 1930 года и захватом власти (*Machtergreifung*) Гитлер объявил национал-социализм чудодейственным средством, которое положит конец национальному унижению, экономическому краху, параличу политической системы, социальному расколу и моральному разложению. Антисемитские лозунги были несколько приглушены, поскольку казались не самым надежным способом привлечь голоса избирателей за пределами круга партийных фанатиков. Начало нацистского правления многими воспринималось как политическое возрождение, экономическое оздоровление и триумф внешней политики; нацисты убедились, что большинство немцев готовы принять юридические меры, ведущие к сегрегации, унижению и несправливости к евреям и к изъятию их собственности, — и в конце концов, усвоив нацистские идеи, перестать видеть в евреях немцев и вообще людей. Однако когда на первый план выходило насилие, как это было в 1933 и 1935 годах и особенно во время «Хрустальной ночи» 1938 года, режим обнаруживал, что насилие и вандализм в общественной жизни большинству немцев отвратительны. Во время «Хрустальной ночи» большинство немцев выбрали, по выражению Шауля Фридлендера, позицию охваченных чувством неловкости «наблюдателей», а не активных участников²⁶. Но если в 1938 году «обыкновенные немцы» стеснялись бить витрины магазинов, поджигать синагоги, избивать евреев на улицах Германии, почему всего три года спустя они захотели убивать миллионы евреев Восточной Европы столь жестоко и бесчеловечно, что это воистину не поддается ни описанию, ни воображению?

В этом вопросе я разделяю мнение Роберта Джеллатели, утверждающего, что во многих аспектах германской жизни война

---

²⁶ Saul Friedländer, *Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution* (New York: Harper & Collins, 1997), p. 298.

«революционизировала нацистскую революцию»²⁷. В рамках нашей темы я хочу подчеркнуть: «расовая война» и «расовый империализм» на востоке (иначе говоря, средства и цели войны, намеченные нацистским режимом) создали время, место и условия, максимально благоприятствовавшие превращению «обыкновенных немцев» в убийц, творящих геноцид. Не будет преувеличением утверждать, что в первой половине XX века политическая культура всех европейских национальных государств зиждилась на безоговорочном консенсусе в одном вопросе: гражданин обязан исполнять свой долг и поддерживать свою страну во время войны. Этот консенсус не был изобретен нацистами, но сослужил им хорошую службу. Многие высказывания Гитлера и других нацистских вождей в предвоенные годы свидетельствуют о полной уверенности в том, что грядущая война позволит ускорить применение деструктивных мер не только против евреев, но и против лиц с физическими и умственными недостатками. Условия Брестского мирного договора и почти всеобщая ненависть к Версальскому договору показывают, что недовольство результатами Первой мировой войны и неугасшие имперские претензии в Восточной Европе, подкрепленные уверенностью в немецком расовом и культурном превосходстве, были повсеместно распространены в немецком обществе; здесь большинство немцев были согласны с режимом. Верные провозглашенной государством миссии «расового империализма» на востоке, немецкие оккупанты в Польше быстро усвоили и поддержали идею перекраивания демографической карты Европы, перекраивания, после которого не останется ни одного еврея. Даже те из колониальных чиновников, кто предпочитал «продуктивизировать» гетто, а не «истощать» их, – в большинстве своем, не в силах справиться с «невозможным положением»²⁸ (*unmöglicher Zustand*), возникшим в результате геттоизации, с хроническим голодом, болезнями и засильем черного рынка, ждали, когда же наконец евреи исчезнут.

Но решающий шаг в планах избавления от евреев – переход от идеи их выселения к идее систематического массового убийства –

²⁷ Robert Gellately, *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2001), p. 261.

²⁸ Фраза принадлежит Грейзеру, описывавшему положение в Лодзинском гетто. Frank, *Diensttagebuch*, p. 261 (совещание Грейзера и Франка 31.7.1940).

был сделан не в Польше, а на советской территории. К интересам расового империализма и бремени «невозможного положения» добавился энтузиазм крестового похода против большевизма и еще более жестокой расовой войны, войны на уничтожение. К весне 1942 года уже погибли 2 000 000 советских военнопленных; миллионы советских граждан умерли от голода или были расстреляны. Если эти жертвы добавить к 70 000 – 80 000 немцев – обладателей умственных и физических дефектов, к польской интеллигенции, к тысячам жертв карательных акций в Сербии и в других странах, то станет ясно, сколь велика была способность нацистского режима мобилизовать «обыкновенных немцев» на убийство миллионов, даже и неевреев. Антисемитизм не имеет к этим случаям никакого отношения. Убитые почти неизменно были жертвами нацистского расового империализма, который обесценивал жизни многих категорий людей помимо евреев.

На этом фоне евреи подвергались все большей опасности. В Германии конца XIX века, как пишет Шуламит Волков, евреи стали символом демократии и социализма, капитализма и безудержного свободного предпринимательства, интернационализма и художественного экспериментаторства, а антисемитизм был культурным кодом оппозиции этим новшествам²⁹. В 30-е годы антисемитские предрассудки получили государственную легитимацию, были облечены в статью закона и, по мере того как немецкие евреи лишались своих прав, собственности и достоинства, усвоены многими немцами. В Польше евреи тоже стали символом «невозможного положения» – болезней, нехватки жилья, засилья черного рынка, грязи и голода. К 1941 году на советской территории евреи оказались воплощением большевизма, азиатской угрозы, партизанского сопротивления, в то время как происходящее понималось как бескомпромиссная война между непримиримыми расовыми и идеологическими врагами. Короче говоря, немецкий антисемитизм не был статичен, он усиливался под воздействием меняющегося исторического контекста и, наконец, в 1941 году смёл последние хрупкие преграды на своем пути и принял форму геноцида. Разлагающее влияние постоянно усиливавшейся «расовой войны» и «расового империализма» подго-

²⁹ Shulamit Volkov, "Antisemitism as a Cultural Code" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. 23 (1978), pp. 25–46.

товили почву для геноцида евреев на советской территории. Едва опробовав это «решение» там, нацистский режим перенес его и на остальных евреев Европы. «Обыкновенные немцы» свыклись с массовым убийством миллионов евреев и неевреев на советской земле – и без колебаний применили гитлеровское «окончательное решение» и к евреям Европы.

*Впервые опубликовано по-английски как "On My Book 'The Origins of the Final Solution': Some Remarks on its Background and on its Major Conclusions," in David Bankier, Dan Michman, eds., *Holocaust Historiography in Context: Emergence, Challenges, Polemics, and Achievements* (Jerusalem: Yad Vashem, 2009), pp. 403-419. Перевод с английского Иланы Романовской.*